

М. В. Осорина, Л. В. Бочищева, О. И. Даниленко

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА ПСИХОЛОГИИ ЛГУ ВРЕМЕН Б. Г. АНАНЬЕВА: ВОСПОМИНАНИЯ ТРЕХ СОКУРСНИЦ (1968–1973 гг.)

Статья подготовлена к 50-летию создания факультета психологии в Ленинградском государственном университете в 1966 г. Она представляет собой литературно обработанную диктофонную запись воспоминаний трех сокурсниц, учившихся на факультете в 1968–1973 гг., когда деканом был основатель факультета проф. Б. Г. Ананьев. Как считают авторы статьи, это время можно назвать «золотым веком» жизни факультета, но оно крайне слабо отражено в уже опубликованных мемуарных текстах. В статье присутствует много бытовых подробностей и наблюдений, передающих дух эпохи, обсуждаются система подготовки психологов того времени и базовые проблемы взаимоотношений университетских преподавателей и студентов, повторяющиеся из поколения в поколение. Библиогр. 2 назв. Ил. 4.

Ключевые слова: история факультета психологии ЛГУ—СПбГУ, воспоминания студентов 1968–1973 гг., обучение психологов, дворец Бобринского на Галерной, декан Б. Г. Ананьев, Л. М. Веккер.

M. V. Osorina, L. V. Bochisheva, O. I. Danilenko

“THE GOLDEN AGE” OF LIFE OF THE DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY OF LSU DURING THE TIME OF B.G. ANANIEV: REMINISCENCES OF THREE CLASSMATES (1968–1973)

The article was prepared for the 50-year-anniversary of the foundation of the department of psychology in Leningrad State University in 1966. It contains a literary transcription of voice recordings of three classmates reminiscences, who studied in the department from 1968 - 1973. That was the period when the department founder, professor B.G. Ananiev, served as Dean. The article's authors consider that period the “golden age” of life of the department. Yet it is scarcely reflected on in already published memoir texts. In the article, many everyday details and observations are presented, which transmit the spirit of that time. Also, the system of preparing psychologists and the basic problems of relationships between university teachers and students, which repeat from generation to generation, are discussed. Refs 2. Figs 4.

Keywords: history of the department of psychology of LSU-SPBU, reminiscences of students from 1968–1973, preparation of psychologists, Bobrinsky Palace on Galernaya Street, dean B. G. Ananiev, L.M. Vekker.

Осорина Мария Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; maria_osorina@mail.ru

Бочищева Людмила Васильевна — педагог-психолог 1-й категории, Центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи Красносельского района Санкт-Петербурга, 198329, Санкт-Петербург, ул. Добролюбцев, д. 18/2; bochlyudmila@yandex.ru

Даниленко Ольга Ивановна — доктор культурологии, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9; danilenko.olga@gmail.com

Osorina Marina V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; maria_osorina@mail.ru

Bochisheva Lyudmila V. — State-funded Institution of Preschool Education, Center for psycho-pedagogical and medical social help in the Krasnoselsky District of SPb, pedagog and psychologist of the first category, 18/2, ul. Dobrovoltsev, St. Petersburg, 198329, Russian Federation; bochlyudmila@yandex.ru

Danilenko Olga I. — Doctor of Culturology, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; danilenko.olga@gmail.com

Осенью 2016 г. исполнится 50 лет со дня создания факультета психологии Ленинградского государственного университета — ныне СПбГУ. Эта радостная для петербургских психологов дата будет отмечена чредой праздничных мероприятий, к которым уже начались приготовления. Естественно, они сопровождаются и ожидающими воспоминаниями тех, кто на этом факультете когда-то учился, а тем более — продолжает там работать. Это и послужило для трех авторов воспоминаний, предлагаемых читателям «Вестника СПбГУ», поводом собраться вместе, чтобы поговорить о пяти годах (1968–1973) своего обучения на факультете в период, который, как нам кажется, можно назвать «золотым веком» жизни факультета. Это было время, когда его деканом был Б. Г. Ананьев (до лета 1972 г.) — вдохновитель и создатель факультета, определивший его общий дух, цели, задачи, направление развития, программы обучения, состав преподавателей и профессиональную идеологию. Несмотря на то что факультет принял первых студентов в 1966 г., а мы были уже третьим набором, именно в это время работа факультета упрочилась и приобрела стабильные черты того, что можно назвать ананьевским периодом его жизни. Этот период отличался молодым энтузиазмом в служении психологической науке и дал ей целую плеяду ныне известных российских психологов. Однако воспоминаний об этом замечательном времени пока почти нет. Авторы восполняют этот пробел, постаравшись искренно и честно рассказать о том времени так, чтобы это было интересно читателю любого возраста, и затронуть многие острые проблемы взаимоотношений преподавателей и студентов, которые повторяются из поколения в поколение. Важно и то, что авторы этих воспоминаний — люди очень разные, несмотря на их студенческую дружбу, что позволяет познакомиться с разными, иногда неожиданными, взглядами на одни и те же события. Двое — М. В. Осорина и О. И. Даниленко — связали свою жизнь с преподаванием в вузе и работают на факультете психологии СПбГУ, а Л. В. Бочищева выбрала практическую стезю и является сейчас педагогом-психологом в Центре психолого-медицинского соопровождения детей в Санкт-Петербурге. Результаты встреч трех сокурсниц были записаны на диктофон. Из 6,5 часов аудиозаписи были выбраны наиболее интересные и драматичные куски, передающие аромат эпохи и позволяющие показать многие проблемы с точки зрения каждой из участниц бесед. Они были слегка сокращены и литературно обработаны, чтобы придать им пригодный для чтения вид.

1. О том, как мы узнали, что существует факультет психологии Ленинградского государственного университета и что можно поступить туда учиться

М. В. О.: Люда, а как ты узнала о существовании факультета психологии и почему решила туда поступать?

Л. В. Б.: Узнала случайно от девочки из нашей школы, ее мать работала в университете. Вообще-то я окончила хорошую английскую школу у Парка Победы и предполагала пойти на филфак ЛГУ, на английское отделение, но побаивалась дикого конкурса туда. А психология показалась заманчивой: у меня были проблемы с общением, я не отличалась уверенностью в себе, не умела говорить «нет», по складу была одиночкой. Хотелось как-то разобраться в себе, развиваться в новую сторону.

М. В. О.: А я узнала о существовании такого факультета смешным и тоже неожиданным образом — от незнакомого араба, похожего на Пушкина. Весной 1968 года, как раз когда я стояла перед мучительным выбором, куда поступать, моя

мама преподавала русский язык иностранцам, и на занятиях одному из них стало плохо. Его отправили в больницу, а маму попросили сопровождать в качестве переводчика, потому что он недавно приехал и говорил только по-французски. Пока врачи обсуждали, что с ним делать, она сидела в коридоре рядом с молодым арабом, который тоже ждал своего товарища. Она спросила араба, где он учится, и тот радостно сообщил, что на факультете психологии ЛГУ и в восторге от этого заведения. Дома она рассказала, что существует такой факультет — все очень удивились, так как ни мы, ни наши знакомые не знали, что психологии можно учиться в ЛГУ. А для меня это было радостной находкой, так как показалось, что именно в этой пока неизвестной мне области найдут применение мои многочисленные увлечения поведением животных, рисованием, взрослым и детским фольклором, языками и т. п. До этого были мысли о том, чтобы заняться этнографией, но чувствовалось, что это не совсем то, что надо. До сих пор благодарю судьбу, что так получилось.

О.И.Д.: Ну, а я узнала о существовании факультета психологии на выпускном вечере в школе как раз от мамы Маши Осориной — мы вместе в одной школе учились, в 239-й математической, и по-настоящему познакомились как раз на выпускном. До этого я собиралась поступать на театрологическое отделение в театральный институт, но колебалась. Понимала, что меня интересует не столько сцена, сколько человеческое поведение, но не знала, где этим еще занимаются. Слово «психология» стало счастливой находкой. В общем, получается, что всех нас троих привело на факультет стеченье случайных, но счастливых для нас обстоятельств.

2. О собеседовании и наборе вступительных экзаменов

О.И.Д.: А вы запомнили, как проходило собеседование перед экзаменами? Со мной беседовала Валентина Николаевна Куницына, и я до сих пор очень благодарна ей за то, что она поддержала мой выбор факультета.

М.В.О.: Да, собеседование сотрудники факультета проводили очень внимательно и хорошо. Со мной тогда разговаривала Надежда Анатольевна Кудрявцева, и мне это тоже запомнилось. Через восемь лет, уже перед окончанием аспирантуры, она была одним из рецензентов моей кандидатской диссертации на предзащите.

Интересно, а как вы реагировали на чудовищный, с точки зрения среднестатистического абитуриента, набор экзаменов, которые нужно было сдавать? Помните, мы сдавали сначала письменную математику, которая по трудности была на втором месте после математики, но чуть сложнее, чем на физфаке и тем более биофаке. Потом был объемный устный экзамен по истории СССР, которую нужно было знать от древних князей до последних решений партийных съездов КПСС, затем была устная биология и завершал всё письменный экзамен по литературе — сочинение. Самым трудным в этом наборе экзаменов была их разнонаправленность: кто хорошо знал математику, обычно совсем не интересовался гуманитарными предметами, а кто любил гуманитарные, чаще всего не сильно уважал биологию и математику.

Когда мы уже учились на первом курсе, нам рассказывали, что такой выбор экзаменов далеко не случайно сделал создатель факультета — Б.Г.Ананьев. Его замысел состоял в том, чтобы, во-первых, отобрать наиболее одаренных, а как психолог он знал, что пройти такие разные вступительные испытания будет легче тем, кто способен работать с самым разным материалом. А во-вторых, конкурс на факультет был очень велик, и сложная письменная математика давала возможность быстро и безболезненно отсеять основную массу претендентов.

Л. В. Б.: Да, я помню, что у нас конкурс был где-то 7,5 или 8,5 человек на одно место. У меня был полупроходной балл, но в результате мне повезло и меня взяли. Я готовилась совершенно самостоятельно, без репетиторов, ходила на довольно хорошие консультации, которые были перед экзаменами в ЛГУ. Моя проблема была в том, что я страшно устала к концу экзаменов и биологию вытянула с большим трудом.

О. И. Д.: У меня было то же самое. Первые три экзамена сдала на пятерки, но так выдохлась, что к последнему — биологии — совсем не могла готовиться. Просто чудо, что получила четверку. Набранных баллов вполне хватило, чтобы поступить. Результаты пришли узнавать с папой и отпраздновали поступление в «Лягушатнике» — знаменитом кафе-мороженом на Невском.

М. В. О.: А я сама экзамены плохо помню, они прошли какой-то невнятной чередой, оказались менее сложными, чем я думала. Может быть, оттого, что нас в 239-й школе так муштровали, что мы были с запасом готовы ко всем испытаниям. Для меня главной заботой было не потеряться в клубящейся толпе ребят, двигавшихся в разные аудитории, и правильно прийти туда, куда требовалось. Единственное, что меня поразило, — это антисоветская листовка, которую кто-то повесил в вестибюле исторического факультета. Я видела такое впервые в жизни. Она была написана на вырванном из тетради листочке мальчишеским почерком, очень страстно, но непонятно, к чему призывала. Шло лето 1968 года, в Чехословакии была Пражская весна, пытались построить социализм с человеческим лицом. Листок висел в углу у неработающего гардероба. Его наскоро с удивлением прочли 2–3 человека, потом подошел какой-то взрослый, протянул руку, сорвал, скомкал, выбросил в урну, как будто ничего и не было. И все пошли по своим делам.

3. Первое знакомство с сокурсниками и колхозный опыт

Л. В. Б.: Интересно, какое впечатление на вас произвели сокурсники? Они ведь были такие разные, приехали со всех концов страны, а еще были вьетнамцы, человек 5–6 (в это время шла вьетнамская война с американцами). Худеньких и маленьких вьетнамцев все жалели.

Кое с кем из будущих сокурсников мы ведь начали знакомиться еще на экзаменах, но самые интересные впечатления, совершенно новые для меня, я получила в колхозе, куда нас отправили вскоре после экзаменов — где-то в конце августа, и весь сентябрь мы были в деревне, в Карелии, собирали картошку.

М. В. О.: Да, этот колхоз был настоящей школой жизни. Я там была поваром и с 5:30 утра пытала разжечь в сарайчике плохонькую печь, на которой мы все готовили. А завтрак надо было сделать человек на 40. И дальше трудилась там до самой ночи. Так что в полях я не была, но с большим интересом наблюдала людей, приходивших на завтрак, обед и ужин. Никогда раньше я не видела столько сверстников из разных концов страны. Хотя это смешно звучит, но было удивительно, что они все говорят по-русски, по большому счету принадлежат к общей культуре, несмотря на разность национальностей и социального статуса. На наш курс поступило тогда 63 человека, но таких, как мы, школьников после 10-го класса, было меньше половины — поэтому и конкурс для нас был такой высокий. В те времена каждая республика СССР могла прислать в ЛГУ на каждый факультет по 2 представителя, для них проводился местный конкурс. У нас были люди из всех трех прибалтийских республик, с Кавказа и из Средней Азии. Уровень подготовки у них был очень разный.

А еще были парни после армии, и для них проходной балл был ниже, чем для школьников. Они были старше нас на несколько лет и держались вместе. Именно они чаще отстаивали свои права на лучшее спальное место, на добавку, на стипендию, играли в карты, ругались матом, но и чаще брали на себя ответственность в затруднительных ситуациях. Когда начались занятия, даже открывание старинных окон для проветривания нашей главной аудитории обычно было их инициативой. В общем, они держали себя как взрослые.

О. И. Д.: Меня освободили от первого колхоза врачи, но так как все должны были пройти месяц трудовой практики и послужить на пользу Родине, то меня послали что-то делать в лабораторию экспериментальной психологии, где у нас потом были практические занятия. Сейчас даже трудно представить, что все пять лет обучения у нас полностью выпадал весь сентябрь: вместо занятий мы собирали на колхозных полях то картошку, то морковь и капусту, то очищали землю от пней, то перебирали овощи на овощебазе. Я ведь потом тоже в колхоз ездила. Занятия фактически начинались только с первого октября, а во второй половине декабря уже шла зачетная неделя и после первого января с 3–4-го числа были экзамены. Тогда ведь не отдыхали 10 дней после Нового года, как сейчас.

М. В. О.: Потом, когда я уже училась в аспирантуре, каждую осень было то же самое — и аспиранты, и научные сотрудники, и кое-кто из преподавателей, даже не первой молодости, дней по 20 трудились в колхозе, живя в довольно трудных условиях. Денег за это практически не получали, считалось, что работали за еду. Варили себе сами. Продукты — овощи, крупы, иногда мясо — давал колхоз. Взрослых сотрудников обычно кормили лучше, чем студентов. Они более напористо отстаивали свои права, и с ними больше считались местные колхозные начальники. Университет просто поставлял им нужную рабочую силу, как положено было делать в те времена и вузам, и научно-исследовательским институтам. Жалко, конечно, что бездарно тратилось столько времени и сил, но колхоз тоже дал неожиданный и по-своему полезный для городского человека жизненный опыт.

Рис. 1. Вечернее пение в колхозе (лето 1969 г.). На фото — авторы этой статьи: крайняя справа — О. Даниленко, в центре (третья справа) — Л. Бочищева (в студенчестве — Маркова), крайняя слева — М. Осорина

Помню, летом после окончания первого курса часть времени в колхозе мы занимались уборкой с поля огромных выкорчеванных пней. (Эта деятельность считалась обязательной производственной практикой.) Вдвоем, втроем или вчетвером брали эти пни за корни и бросали на огромный металлический лист, который тянул тяжелый трактор, медленно ехавший впереди. Если пней было много, то, пока мы грузили, тракторист засыпал на обочине, поскольку был пьяноват. Чтобы не тратить силы на его пробуждение, некоторые из нас попросили его научить водить трактор, и я, в частности, тоже освоила это дело. Была приятна независимость, самостоятельность, а также ощущение, что управляешь тяжелым танком, который тебя слушается. Забавно, что в нашей команде были только тихие домашние девушки. Парни поехали в стройотряд, где можно было заработать.

4. Первые впечатления от здания факультета и его интерьеров (дворец А. Бобринского на Красной ул., д. 60 — ныне Галерная, д. 60)

О. И. Д.: Давайте вспомним чудесное здание дворца графа Алексея Бобринского, которое всем так нравилось. Не знаю, как удалось Б. Г. Ананьеву добыть такое помещение для нашего факультета. Там ведь еще размещался и НИИКСИ (Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований), который тоже был детищем Бориса Герасимовича.

М. В. О.: Да, на общественном транспорте обычно студенты доезжали до площади Труда или Театральной, а дальше шли пешком. Шли по Красной улице, тогда так называлась старинная Галерная, до ее конца, потому что усадьба Бобринского была последней. Или другим путем — по каналу Круштейна (теперь вернули старое название — Ново-Адмиралтейский канал), на другой стороне которого была петровская Новая Голландия, а потом проходными дворами попадали на Красную уже около факультета. И тот и другой путь были впечатляющими: старинные дома, многие из которых с мемориальными досками, дух Петербурга XVIII века. Пушкинский дух тоже там витал, потому что в одном из домов на Галерной он некоторое время жил, а во дворце часто бывал в гостях у жены Бобринского. У нее был салон, где собирались многие замечательные люди того времени, и, несомненно, они все присутствовали когда-то на музыкальных вечерах в том уютном камерном мраморном зале с лепниной и фресковым бордюром, с огромными окнами, выходившими в сад. В этом зале у нас были потоковые лекции по общей психологии. Когда мы сидели там на лекциях, я всегда помнила о тех, кто бывал в нем до нас.

Л. В. Б.: Этот старинный дом мне тоже очень нравился — и центральная лестница с огромным зеркалом сбоку, и прекрасные старинные люстры, и деревянные винтовые внутренние лесенки для слуг, по которым мы поднимались со второго этажа на третий, уже под крышей, где располагались маленькие комнаты, в которых, видимо, когда-то жила челядь. В наше время их использовали для семинаров и занятий иностранными языками, а дальше были помещения лабораторий. Но стоит сказать и о том, в каком ужасном виде отчасти пребывало это здание. С одной стороны, угрожали кучу денег на многолетнюю реставрацию прекрасных хором, где частично размещались сотрудники НИИКСИ, а с другой стороны, наблюдалось типично советское пренебрежение ежедневным бытом: какие-то выгородки-клетушки, выкрашенные масляной краской и используемые как маленькие

аудитории; большой зал, располагавшийся за стеной музыкального, вообще был в таком виде, как будто это склад списанной мебели, обломки которой не полностью вынесли; всё грязно, серо, стоят страшные столы с ободранными крышками, часть стульев ломаные, у стены пылятся какие-то старые декорации театрального кружка. А в этом зале тоже проходили наши общие лекции.

Помните, как на третьем курсе во время лекции И. М. Палея в камерном зале с грохотом отвалился большой кусок лепнины и упал на вьетнамцев, которые сидели у этой стены? Хорошо, что они очень быстро среагировали — отпрянули, пригнулись, и их только запорошило. Они даже не сильно испугались, потому что у них шла война и они привыкли к подобным неожиданностям.

M. B. O.: Меня всегда впечатлял наш двор: каменные опоры старинных парадных ворот с бюстами героев в лавровых венках, мощеный булыжником обширный двор, который когда-то объезжали по кругу кареты гостей, и выложенная парными каменными плитами центральная дорожка, тянувшаяся от ворот к главному входу. Над ним на фронтоне дворца стояли четыре фигуры: три очень живые грации, слегка прикрывшиеся снизу хламидами, а у левого угла, в одном ряду с ними, — какой-то каменный старики с бородой, завернувшийся в свое одеяние. Он одновременно и отворачивался от граций, и поглядывал на них.

Я любила рисовать этот двор: делала много набросков с разных точек — и с улицы, и из окон боковых флигелей. До сих пор храню рисунки, где он у меня изображен в разных видах — и современный, и со старинными каретами. Вид на этот двор открывался и из окон небольшого кабинета Б. Г. Ананьева, который именно во время нашей учебы на факультете был его деканом (с 1967-го по 1972-й — год его смерти). Кабинетик находился на втором этаже правого флигеля, а вход в него был из крошечного помещения деканата по работе со студентами, где сидели секретарша и ее помощница. У Ананьева был старинный стол и большое старинное резное кресло с высокой спинкой. Когда факультет переехал из дворца Бобринского на набережную Макарова 6, уже после смерти Ананьева, в середине 1970-х, кресло осталось на прежнем месте и перекочевало в лабораторию имени Ананьева при НИИКСИ. Его называли ананьевским, в нем сидел заведующий лабораторией, а потом после ремонта здания оно куда-то исчезло.

Рис. 2. Двор дворца Бобринского (первая половина XX в.)

Мне всегда казалось, что въездной двор дворца Бобринского обладал мощным притяжением, был местом силы. На него всегда хотелось смотреть — и было не скучно. В холле второго этажа, по которому пробегали спешащие люди, нередко можно было увидеть молчаливую фигуру Бориса Герасимовича, стоявшего у одного из ряда больших окон и в задумчивости смотревшего во двор. Думаю, не случайно и символично, что именно в этом дворе он принял смерть — здесь он упал в теплый весенний день 1972 года, когда шел на факультет. Это был третий и последний обширный инфаркт, от которого ему уже не суждено было оправиться.

5. Как нас учили

Л. В. Б.: Давайте поговорим о нашем учеcье. Наш курс был третьим набором на факультет. До нас был легендарный первый набор 1966 года, давший многих известных сейчас российских психологов: В. М. Аллахвердову, Н. В. Гришину, М. А. Холодную, Н. А. Логинову и других. Помните, как нам рассказывали и преподаватели, и старшекурсники, что Ананьев всегда интересовался людьми, поступившими на факультет: сам участвовал в приеме экзамена по общей психологии на I курсе, чтобы ближе узнать ребят, позволял им приносить с собой и использовать любые книги, потому что проверялись не информированность и память, а понимание обсуждаемых тем.

В наши времена процесс обучения уже устоялся, но еще сильно чувствовалось, что факультет был создан недавно. Вообще не было библиотеки. Потом по инициативе Ананьева ее открыли в маленьком и неудобном помещении, когда мы учились на третьем, а то и четвертом курсе. Да и книги в эту библиотеку Ананьев сначала отдал свои, другие преподаватели тоже что-то приносили, но книг было крайне мало. Главного, что нам требовалось, там было не найти. Вообще ведь книг по психологии тогда издавали мало и маленькими тиражами, купить их было очень трудно. День-два — и они пропадали из продажи, всё мгновенно раскупалось. Фактически в Ленинграде были только три большие библиотеки, куда можно было прийти и добыть то, что нам нужно. Это были Горьковская библиотека ЛГУ, Публичная библиотека (студенческое отделение на Фонтанке) и Библиотека Академии наук. Занимались в читальном зале. Даже там выдавали на всех только 3–5 экземпляров одного наименования. Помните, как во время сессии мы приходили иногда за час до открытия библиотек, заранее распределившись, кто куда пойдет, и занимали очередь на ту или иную книгу, распределив в течение дня время между всеми желающими. Но книг всё равно не хватало. Никаких ксероксов не существовало. Все программы к экзаменам были напечатаны в деканате на машинках. Закладка в такую машинку состояла из шести листов, проложенных копиркой. Шестой экземпляр выходил совсем бледный.

О. И. Д.: А помните, как просили ближайших друзей написать конспект лекции под копирку, если кто-то знал, что придется ее пропустить. Вообще, тогда на лекции все старались ходить, потому что пропуск был большой потерей. Даже если тебе давали чужие конспекты, чтобы их переписать, оказывалось, что редко кто из студентов умел хорошо законспектировать лекцию. Поэтому авторы хороших конспектов очень ими дорожили и давали на время только самым близким и верным друзьям.

М. В. О.: Вообще, в те времена дисциплина студентов была гораздо выше, чем сейчас. Занятия начинались в 9:00. Общественный транспорт был страшно переполнен.

Из дома, с Большой Охты, я добиралась до факультета около часа, но для этого надо было ухитриться втиснуться в автобус, из задних дверей которого еще при подъезде к нашей остановке вывисали спины двух-трех человек, стоявших на нижней ступеньке. Надо было исхитриться просунуть руку поглубже в дверь, уцепиться за боковой вертикальный поручень и поставить носок одной ноги на краешек нижней ступеньки. Можно было надеяться, что через пару остановок удастся втиснуться внутрь автобуса № 22, который довозил до Театральной площади.

И студенты, и преподаватели сдавали пальто в гардероб. Невозможно было себе представить, чтобы кто-то зашел в пальто в аудиторию через 15–20 минут после начала лекции, тем более в запорошенной снегом одежде, и стал раздеваться и отряхиваться прямо у своего места, как это часто делают сейчас. Также не существовало таких теперешних студенческих словечек, как «препы», «преподы» — преподаватели, «ученый руководитель и т. п.

Б. Г. Ананьев приходил на свои лекции в камерный музыкальный зал минута в минуту. Если он успевал закрыть за собой дверь, люди, которые отстали от него метра на два, уже не смели входить в аудиторию и оставались слушать за дверью. Особенно почтительны в этом плане были те, кто отслужил в армии. Ананьева слушали, затаив дыхание, старались не скрипеть деревянными пюпитрами, приделанными к спинкам стульев переднего ряда. Стулья были соединены друг с другом по шесть в ряд, поскрипывали при любом шевелении сидящих или пишущих на пюпитрах представителей следующего ряда у них за спиной. Устройство этой мебели заставляло помнить, что от твоих действий зависит благополучие твоих товарищ.

Л. В. Б.: Ну что, поговорим теперь про преподавание. Вы сейчас ужаснетесь и скажете, что я критиканка, но я считаю, что нас учили не так уж хорошо!

О. И. Д.: Почему?

Л. В. Б.: Да потому, что состав преподавателей был очень неровный. Конечно, Б. Г. Ананьев или Л. М. Веккер были очень даже компетентными людьми. А другие? Как слабо вели у нас, например, семинары по общей психологии. Преподаватели иногда сами по-настоящему не разбирались в том, что должны были нам объяснять. Или помните, как тогда все носились с книгой С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» — что это кладезь мудрости, а мы боялись произнести вслух название этой книги, потому что не знали, «бытие» через Ё надо говорить или через Е, — у многих преподавателей спрашивали, и никто не смог ответить. Ну ладно, это мелочи. А аспирант И. М. Палея, который вел за ним семинары на третьем курсе и всех доводил до белого каления: еле-еле что-то бормотал, а периодически вообще молчал. Помните, мы считали по часам длину его пауз: рекорд был три с половиной минуты молчания. Как можно было такого выпускать? Ведь он и сам страдал.

М. В. О.: Да, так было. И этот несчастный аспирант страдал. Он по складу своему был замкнутый и нелюдимый. Думаю, что стоять перед аудиторией для него было мукой. Мне кажется, что он сдал экзамены в аспирантуру, но у него не было базового психологического образования — вроде бы он был гуманитарий. Ему, на-верное, дали эти семинары как педпрактику в связи с тем, что лекционный курс читал именно его научный руководитель.

Л. В. Б.: Ну, а мы как же? И как нам экзамены потом сдавать!

М. В. О.: Некому было вести занятия. В вузах так обычно поступают. Чувствовалось, что у Ананьева была острая нехватка кадров. Ведь до 1966 года, когда

открылся факультет, было всего лишь небольшое отделение психологии на философском факультете ЛГУ. Ананьев мобилизовал всех своих дальних учеников, даже разъехавшихся по другим городам, как, например, Л. М. Веккера, работавшего с 1950-х в Вильнюсе. А потом взял на работу еще многих людей других специальностей: математиков, инженеров, медиков, гуманитариев разных видов. Кто-то из них хорошо освоился, полюбил психологию и стал ей служить. А кто-то приспособился и остался на факультете, но психологом так и не стал и психологию не любил.

Вообще, Ананьев старался поддерживать всех, у кого, с его точки зрения, была хоть какая-то искра Божия и кто мог хоть что-то нужное для факультета делать.

Нехватки кадров никто и не скрывал. Некоторые преподаватели откровенно говорили, что им совсем недавно Борис Герасимович дал задание подготовить тот или иной курс, и они еще сами недостаточно владеют материалом. Мы с Олей Даниленко как университетские преподаватели хорошо знаем, что новый курс лекций формируется, опробуется, дополняется, обкатывается по меньшей мере три-пять лет. И то — если автор активно над ним работает, старается. А дальше лекционный курс, как хороший спектакль в академическом театре, живет своей жизнью и всё время развивается, пока не состарится и не станет немощным или пока внезапно не оборвется его жизнь из-за внешних обстоятельств. Кстати, замечу, что в подавляющем большинстве наши преподаватели старались как могли. Могли — по-разному. Откровенно наплевательски к своей работе при Ананьеве на факультете никто не относился.

Правда, сейчас вспоминаю, что у меня зуб был на Е. С. Кузьмина, который читал годовой курс по истории психологии и потратил всё время на рассказы о психологических воззрениях античных и средневековых философов, педагогов Нового времени, русских авторов XIX века — их он знал. А закончил на том, что появились немецкие гештальтисты, на которых, а также на психологов XX века, по его лукавому заверению, у него не хватило времени. И предложил о них почитать у Ярошевского.

Вы помните, как при Ананьеве и именно им на факультете поддерживалась слегка восторженная и приподнятая атмосфера благоговения перед общим делом — служением психологии. Она очень благотворно влияла на всех. На мой взгляд, одним из наиболее замечательных качеств Бориса Герасимовича была его истинная и глубокая любовь к психологии, — любовь, которую не так часто испытывают к науке, которой занимаются, современные психологи.

Л. В. Б.: Ну, с этим я, конечно, согласна, это — правда. Но у меня в глубине души всё-таки живет какое-то чувство обделенности или обиды на то, что не произошло для меня в процессе обучения что-то важное, чего я ждала. Я понимаю, что и от меня зависело — что я могу взять и усвоить. Кто-то про меня может сказать: вот правополушарный кинестетик. Но ведь таких, как я, на нашем курсе было полно. Хотелось не витания в теоретических построениях, от которых только и остались потом любимые словечки отдельных преподавателей, а чего-то более близкого к жизни, к работе психолога, какого-то погружения в психическую реальность — чтобы она была ощутима. Конечно, приводились иногда интересные примеры, но только для мимолетной иллюстрации и редко. Поэтому я больше любила, когда мы ходили на практику в Бехтеревку, в Институт экспериментальной медицины — там было настоящее, но оно как-то оказывалось на обочине нашего обучения.

О.И.Д.: Люда, но ведь всё-таки на практику мы туда ходили, и это уже было хорошо!

Л.В.Б.: Верно. Но этого было мало. Не знаю даже, как поточнее еще высказать свои претензии, если это кому-нибудь будет интересно. Не знаю, как дела обстоят сейчас, но тогда мне казалось, что даже самые лучшие преподаватели на нас, студентов, мало ориентировались, недостаточно нас учить, а в основном *всещали*. Им было важно донести свои мысли, теории, но они адресовали всё это скорее не нам, а какой-то идеализированной аудитории воображаемых коллег, которая была для них важна. Нас, живых, таких, какими мы были, они по-настоящему не чувствовали. А поскольку для меня это была личностно важная проблема во взаимоотношениях со взрослыми, то я, возможно, до сих пор на нее болезненно реагирую. Интересно, что вы об этом думаете?

М.В.О.: Я думала, что мы предадимся ностальгическим воспоминаниям, а так резко, так неожиданно выплыла эта тема. Но сейчас мне она кажется по-настоящему психологически интересной. На юбилейных встречах наших сокурсников кое-кто любил повторять, что ценил в наших преподавателях то, что они *не исходили* до студентов, а *поднимали их* до себя, разговаривая с ними, как со взрослыми коллегами. Это в буквальном смысле было так. Лучшие преподаватели относились уважительно, говорили серьезно, старались высказываться по существу, для них важно было сформулировать и донести до нас свою точку зрения на главные теоретические проблемы обсуждавшихся тем.

Но ты правильно сказала, что мы были для них аудиторией *воображаемых* коллег, которая, на мой взгляд, была для них очень важна. Только перед нами они могли говорить свободно то, что при выступлениях перед настоящими коллегами высказывается с кучей дипломатических оговорок. А в печатном научном тексте, особенно в те времена, что-либо подобное открыто написать было невозможно. Сравнить, например, то, что Ананьев вдохновенно рассказывал нам про интеллект, и жалкие обрывки этого, полные недоговорок, которые потом можно было у него прочесть.

Мне кажется, что нельзя сбрасывать со счетов то, что они были советскими людьми 1960-х годов. Им, правда, хотелось высказаться, хотелось вешать. В 1968-м, когда мы были на первом курсе, Ананьеву исполнился 61 год, через три года он умер. У него было большое сердце, он знал, что долго не проживет. Чувствовалось, как он торопился и старался сформировать у нас тот настрой, который он считал необходимым для психолога. А Л.М. Веккеру осенью 1968-го исполнилось 50 лет. Он был в расцвете интеллектуальных сил, вошел в пору научной зрелости, а всего только за несколько лет до этого Ананьеву удалось вернуть его из Вильнюса, куда ему пришлось уехать после

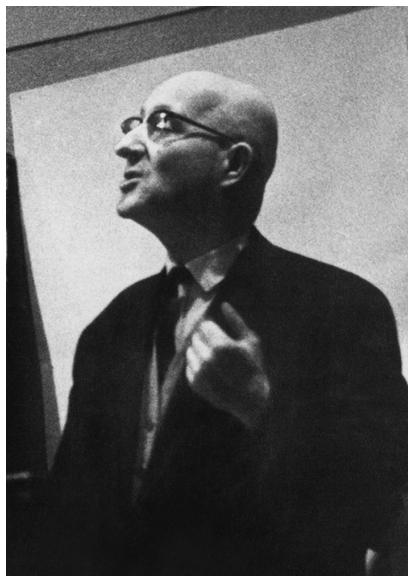

Рис. 3. Проф. Лев Маркович Веккер на лекции в камерном зале дворца Бобринского

аспирантуры, в Ленинград и дать ему работу сначала в лаборатории инженерной психологии, а потом он стал профессором на факультете.

Но Люда, тебя я тоже понимаю, ты абсолютно права в том, что образ «воображеных коллег» затмевал для многих преподавателей тех молодых неподготовленных людей, которые их слушали. Можно спросить: «Почему вы никогда не объясняли научные термины, не писали их на доске, чтобы избежать нелепых ошибок в тетрадях? Разве трудно было написать имена ученых, особенно иностранцев, с которыми вы полемизировали, и сказать хотя бы пару слов о том, кто они такие, из какой страны, когда жили и что делали?» Практически никто не умел качественно провести консультацию к экзаменам, особенно к потоковым и к государственным, потому что для этого надо было ориентироваться на студентов и понимать их проблемы.

Кстати, меня всегда удивляла странная нечувствительность большинства наших преподавателей к дурному воздуху в аудиториях, куда они входили, чтобы проводить занятия, к смятым бумажкам на столах, к беспорядку в помещении. Они совсем не по-хозяйски относились к этому пространству, не считали себя ответственными за него, не брали на себя роль организаторов ситуации, которую вроде бы должны были активно создавать как свое рабочее пространство. Могли вообще ничего не заметить, а могли и поморщиться. Но обычно им в голову не приходило, что можно хорошо проветрить, поставить на место сдвинутые столы и стулья, хотя бы немного убрать мусор — то есть организовать всё так, чтобы людям было удобно. Единственное, к чему все были приучены, так это тушить свет, чего сейчас как раз не наблюдается. Раньше мне всё это просто не нравилось, казалось безответственностью, тем более что в школе учителя вели себя с точностью до наоборот, и мы к этому привыкли. Сейчас же думаю, что отчасти эта странная отрешенность и безучастность в бытовых ситуациях, возможно, была выражением укоренившейся привычки человека, сформировавшегося в 1930-е, 1940-е, 1950-е годы. Привычки к тому, что всё вокруг неудобно, некрасиво, исходно сделано с пренебрежением к элементарным человеческим нуждам, и что так везде и всегда, поделать с этим ничего не возможно, поэтому спокойнее — принять как есть: не замечать и не расстраиваться. Но, возможно, кое-кто считал, что не барское это дело — приводить в порядок аудитории.

Л. В. Б.: Раз уж обсуждаем слабые стороны, то давайте уж доведем до конца, чтобы потом поговорить о хорошем. Еще: не понятно было — к чему нас готовили? Уж точно не к практической работе психолога. Вы ведь обе помните, с каким ужасом на пятом курсе мы все ждали распределения и выпуска, хорошо понимая, что как психологи ничего делать не умеем, а от кого этому можно научиться — неизвестно. Помните, как на пятом курсе во втором семестре занятий почти не было, все писали свои дипломы. И когда мы с вами втроем встречались на факультете, то потом часами двигались домой под предлогом того, что провожаем друг друга, а на самом деле петляли по городу, и нас почему-то заносило именно на вокзалы, где мы выпивали в кафе по стакану кофе с молоком из жестяного бачка и шли дальше. Этот путь занимал иногда по четыре-пять часов, и мы как будто боялись расстаться в преддверии непонятного будущего. Говоря метафорически — топтались на платформе для отъезжающих, но не знали, в какой поезд садиться, и совсем не понимали, куда каждой из нас надо ехать.

Ты, Маша, сразу поступила в аспирантуру, осталась в *alma mater*, а мы с Олей Даниленко попали в гущу жизни. Меня, ленинградку, официально распределили психологом на какую-то шахту в небольшой городок в Кузбассе. При том что я училась на специализации «сравнительная психология». Ее открыли с трудом, мы были единственным выпуском — двое русских, вьетнамец и эстонец Ян Варьон, который согласился туда пойти из христианского милосердия к трудностям организатора — профессора Нины Александровны Тих, которая вскоре умерла. Меня туда уговорили поступить только потому, что я любила дельфинов. Но с ними пообщаться не довелось, как и с другими животными. Наиболее интересные для меня занятия проходили у нас в Институте Бехтерева и в Институте экспериментальной медицины. Туда, в ИЭМ, я и поступила потом работать в лабораторию В. М. Смирнова, который меня запомнил со времен работы над дипломом и сам пригласил. Но это было через пару месяцев после того, как я, неожиданно для самой себя, смогла догадаться написать руководству шахты в Кузбассе письмо с подробным изложением курсов, которые нам читали, и доказать им, что не принесу пользы шахтерам. Они от меня отказались.

О. И. Д.: Сейчас, будучи преподавателем, я понимаю, что наши трудности по окончании учебы были типичными для любого выпускника университета и нормально преодолеваются.

Люда права — нас не готовили к работе практического психолога. Скорее нас готовили как исследователей. И здесь мы имели своеобразную практику. Ведь все мы участвовали в лонгитюде и сами в качестве испытуемых проходили множество разных психологических исследований — от замеров трепора до теста Векслера, после которого, кстати, получали развернутую обратную связь. Мы осваивали — насколько могли — личностные методики, и мне это очень пригодилось. После окончания факультета меня распределили в институт галургии. Там работали люди, занимавшиеся проектированием предприятий по добыче и переработке соли. Директор института, который подавал заявку на психолога, хотел улучшить там социально-психологический климат. Но вскоре его сменили, а нового директора человеческие отношения не интересовали. Меня не знали, чем занять; отпустить на все четыре стороны было сложно, поскольку я была молодым специалистом. Какое-то время я тосковала, а потом сама придумала: надо исследовать, кто и почему в этом коллективе вызывает наибольшую симпатию сотрудников. И тут пригодились опробованные нами методики. От этой работы я получила огромное удовольствие (углубленные исследования проводила после социометрии с самыми симпатичными людьми) и даже придумала теорию трех типов обаяния. Потом узнала, что это называется аттракция...

После галургии я поступила в аспирантуру в Институт культуры (на факультете психологии аспирантура была лишь целевая), а потом стала там работать на кафедре теории и истории культуры. Знания, полученные на факультете психологии, и сам способ мышления, который там сформировался, определили и темы, и содержание моих диссертаций — кандидатской и докторской.

Поэтому не могу согласиться, что мы так уж ничего не умели. И уж точно мы умели учиться! Я знаю, что ты, Люда, легко освоила те знания и умения, которые понадобились в лаборатории ИЭМа, а потом при работе с проблемными детьми. А Маша продолжила исследования, начатые при подготовке диплома,

в аспирантуре; в ее диссертации, работах ее аспирантов, лекциях я узнаю закваску факультета времени нашей учебы.

М. В. О.: Это так. В принципе, факультет действительно выполнил главную задачу университетского образования: его лучшие преподаватели привили интерес и любовь к психологии, сформировали фундамент нашего профессионального мышления и широту понимания психологических проблем, которые приходится решать психологу. То есть создали те универсальные предпосылки, на базе которых потом довольно быстро осваиваются навыки, нужные для самых разных видов практической работы.

Я представляю, как трудно было факультету в те времена вообще куда-либо распределить на работу такую орду выпускников. А ведь это было обязательно — государство требовало отработать народные деньги, потраченные на обучение. Не распределяли только беременных, с маленькими детьми и замужних, у которых муж уже работал. Поэтому у нас девушки так стремились выйти замуж курсе на четвертом или в начале пятого и побыстрее забеременеть, что пагубно сказывалось на их занятиях, написании диплома, семейной жизни, начатой так скоропалительно, и на здоровье детей. У нас на курсе был даже выкидыш на последних экзаменах.

6. Любимые преподаватели: что они дали и что мы взяли

Л. В. Б.: Давайте вспомним вместе, какие курсы нам читались. Итак, главной считалась общая психология. На первом курсе весь год ее читал проф. Б. Г. Ананьев, и это было про теорию ощущений — подробнейший рассказ о том, как с них начинается психическая жизнь, и о всех одиннадцати видах ощущений, которыми природа нас наградила, о том, как их надо знать, любить, ценить и развивать, и о том, как они сотрудничают друг с другом, обеспечивая разные виды деятельности человека. На втором курсе появился проф. Л. М. Веккер со своей теорией иерархии психических процессов, который весь год рассказывал о восприятии, представлениях, памяти, внимании и мышлении. Чувствовалось, как умно и логично всё выстроено, но не все могли это усвоить. Весь третий курс был посвящен третьей части общей психологии — проблемам личности. Лекции читал доцент И. М. Палей. Его ученики, те, кто учился на соответствующей специализации, его любили и ценили, но некоторых он раздражал медлительностью повествования. Еще читали потоковые курсы по социальной психологии (доц. В. Н. Куницына), возрастной психологии (доц. Е. Ф. Рыбалко), истории психологии (проф. Е. С. Кузьмин), теории систем (доц. В. А. Ганзен) — очень полезный курс, который сейчас не читают, и др. С третьего курса студенты выбирали специализацию и углублялись в свой профиль, слушали много хороших спецкурсов, которые иногда перемежались и слабоватыми. Мы трое пошли на разные специализации: я — на сравнительную психологию, М. В. О. — на общую, а О. И. Д. — на дифференциальную. Обучение длилось пять лет.

О. И. Д.: На факультете благодаря Ананьеву традиционно сильно были представлены биологические дисциплины: теоретическая биология, которую читал проф. Б. П. Токин на биофаке, анатомия ЦНС, физиология ВНД и даже общая физиология. Это было полезно, но биологи нередко демонстративно неуважительно высказывались о психологии, не считая ее наукой, и николько не пытались наладить мосты между нашими сферами, в отличие от нас. Насколько я помню,

не любили студенты высшую математику и математическую статистику из-за полной непонятности того, как их можно приложить к психологическому исследованию — об этом тогда преподаватели совсем не заботились.

М. В. О.: К большому сожалению, довольно слабым было преподавание философских дисциплин, а также английского языка — из-за того, что соответствующие факультеты предоставляли не самых сильных преподавателей.

Надо сказать, что поначалу все преподаватели вызывали интерес у первокурсников. К ним присматривались, выделяли чем-то привлекательных для себя личностей, обсуждали их с приятелями. Когда начались занятия, я с удивлением обнаружила, что бессмертна старая традиция «обожания» учителей, многократно описанная в мемуарах бывших выпускниц институтов благородных девиц и гимназисток царских времен. Обожание обычно характерно для юных девушек, которых, как всегда на факультете психологии, было большинство. А потом оказалось, что оно не чуждо и парням. Возможно, эта традиция воспроизводится потому, что заинтересованное внимание и восхищение изначально авторитетным взрослым — это простейший способ внутренне присоединиться к нему, принять его и согласиться искренне внимать тому, что он говорит. Первокурсникам нравилось наблюдать за преподавателями: за их двигательными повадками, внешностью, манерой говорить. Помню, как обсуждалась красота чьих-то профилей, бархатный пиджак И. М. Палея, сходство преподавателей с героями фильмов и актерами. Девочка, которой очень понравился Б. Г. Ананьев, тут же назвала в его честь Борисом своего кота. Не отставали и парни. Обнаружилось, что они падки на высокий статус, известность и влиятельность преподавателей-мужчин, а также на сочетание красоты, ума и энергетики у женщин. Поэтому безусловным кумиром многих парней на нашем курсе была Люция Петровна Павлова с биофака, которую они вспоминали на протяжении многих лет и после окончания университета. Ясно, что вскорости эти наивные переживания уступили место более вдумчивому отношению. Ведь задача выбрать себе научного руководителя, который сможет для тебя стать настоящим наставником, поначалу возникла уже на втором курсе, когда надо было писать курсовую работу. Все более или менее разумные студенты в конце концов, хотя бы к четвертому курсу, находили себе руководителя, который им подходил.

Л. В. Б.: Вот мы трое, в принципе — очень разные, хотя тесно и дружески тогда общались. Думаю, что по-разному воспринимали и преподавателей. Я про себя не могу сказать, что кто-то из них сильно тронул мою душу. Хотя, конечно, понимала, что Ананьев и Веккер были по-настоящему крупные ученые. Кто-то мне нравился больше, кто-то меньше, но вы, наверное, удивитесь, если я честно скажу, что для меня важнее были сверстники-сокурсники. Для меня самым ценным стало то, что в университете я нашла людей, которые меня уважительно приняли, поняли, интересовались моим мнением, были полностью открыты и искренни. В школе такого не было. Могу сказать, что общение с вами, наши разговоры обо всем на свете и о том, что происходило с нами и вокруг, были для меня даже более развивающими, чем все наши занятия. Если говорить о преподавателях, то, наверное, они были мне интересны скорее как череда типажей взрослых людей, которых я никогда бы не встретила в обычной жизни. Поэтому совсем не жалею, что поступила на факультет.

О. И. Д.: Для меня были важны личности преподавателей и, конечно же, их профессионализм. Мне нравились, конечно, не все, но в разные годы — разные

и по-разному. Я всегда была чувствительна к тому, что значимые для меня преподаватели ценили и любили, что считали важным.

Ананьевские лекции оставляли уверенность в безусловной ценности психологии как науки о человеке, ценности знания, которое может быть обращено на благо человека. Конечно же, впечатляла его широкая образованность. В том числе и в области художественной культуры. Это не столь заметно по его книгам, но в лекциях часто проявлялось упоминанием о том или ином произведении, уместной цитатой или образным сравнением. Хотелось «продвинуться по ссылке». Помню, какое глубокое впечатление произвела на меня книга «Феномен человека» Тейяра де Шардена, которую так ценил Ананьев.

Лекции В. Н. Куницыной — сначала курс социальной психологии, а потом спецкурс по массовым коммуникациям — воспринимались мной как ответ на давно возникшие у меня самой вопросы. Она говорила о том, что хотелось знать больше всего: о психологических механизмах поведения человека как личности, живущей среди людей, в обществе и культуре. Кроме того, Куницаина стала для меня образцом педагога. Ее лекции были не только чрезвычайно содержательны, но и строго выстроены. Она начинала свой курс с того, что давала глоссарий к нему; в то время никто из преподавателей такого не делал. Она диктовала список книг и статей, требовала, чтоб мы их читали, и это были действительно важные работы.

На лекциях она часто рекомендовала прекрасные книги из разных областей, важные для становления будущего психолога. И даже говорила, где они продаются, что было значимо при тогдашнем дефиците. Мы сами никогда бы на них не наткнулись. Помните, например, книжку Т. Крёбера, жены известного американского этнографа, «Иши в двух мирах» про индейца, последнего в своем исчезнувшем племени?!

Л. В. Б. и М. В. О.: Да, да, мы ее тоже сразу купили и прочли, она замечательная!

О. И. Д.: И еще я хочу вспомнить добрым словом С. С. Либиха. Он блестяще читал очень интересный, важный и полезный курс «Основы психотерапии, психогигиены и деонтологии».

М. В. О.: Если бы у меня спросили в молодости, что для меня важнее всего в моих учителях, я бы, наверное, не смогла отчетливо сформулировать то, что скажу сейчас. В целом поведение всех было поучительным и в плане того, как надо что-то делать, и в плане того, как не надо. Конечно, ценно, когда человек что-то хорошо знает, понимает и может до тебя это донести. Но я сейчас осознаю, что мне было важнее то, как человек думает. Но не в чисто интеллектуальном плане, не в смысле внешней умности. Для меня самым интересным было то, куда и насколько далеко он способен проникнуть, насколько широко это взять, насколько тонко понять внутреннюю жизнь и глубинные закономерности предмета своего интереса. В общем, интересовало в людях то, что по тем или иным причинам им в этой жизни открыто и дозволено понять. И тут важен не столько ум как таковой, но объем души, смелость ума и сердца и их чуткость, любовь к тому, что делаешь. Кому-то открывается немногое и простое, другим — больше. Некоторым открыта дорога в даль, и они могут повести за собой тех, кто может им сопутствовать отчасти или всецело. Они могут показать пути, которые раскрываются перед идущим. Возможностью быть таким проводником, способностью помочь другим подключиться к потоку, который понесет их дальше уже самостоятельно, как мне кажется, определяется одаренность настоящего Учителя. В этом плане наиболее потентными были двое, кого мы так часто поминали — Ананьев и Веккер.

Наиболее тонким и магически сильным прозрением Веккера для меня было его интуитивное чутье в отношении ключевого пункта психической жизни — феномена психической проекции. Это ему открылось как озарение еще в подростковом возрасте: почему психический образ формируется у нас где-то внутри, а выкладывается всегда наружу — в пространство так называемого внешнего мира. Эта проблема волновала его до последних дней, хотя, возможно, не до конца была им интеллектуально обработана, по причине позитивистски материалистического мировоззрения, но внутренне он, как никто, глубоко ее понимал и восхищался этим психическим чудом. Через Веккера оно открылось и мне, как драгоценное приобретение, сделанное именно с его помощью.

Рис. 4. Проф. Борис Герасимович Ананьев (справа) — создатель факультета психологии в Ленинградском государственном университете и его декан в 1967–1972 гг. — беседует со своим учеником проф. Б. Ф. Ломовым (слева), который был первым деканом факультета в 1966–1967 гг.

Ананьев поражал меня своим глубоким пониманием психической сферы человека, специфики ее природы, тонким сенсуализмом. Он чувствовал «психическую материю» и был способен на своих лекциях достичь того, чтобы ее ощутили и его слушатели. Это редчайшее качество даже для высокопрофессионального психолога. Благодаря этому он отличался широтой мышления и интересом к самым разным сторонам психической жизни, умел заражать этим интересом других, умел вдохновлять людей на маленькие и большие подвиги во имя развития психологической науки, которую уважал и которой служил.

По душевному устройству Борис Герасимович был мне очень близок. На его лекциях, как мне казалось, удавалось настроиться на его волну и лететь вслед за ним. Поэтому я особенно люблю читать первокурсникам первую часть курса лекций по общей психологии, посвященную ощущениям. И по стилистике, и по содержанию это внешне не похоже на то, как читал Б. Г., но я стараюсь, чтобы в этих лекциях присутствовал тот же дух и нес его тот же поток. Поэтому ощущаю себя продолжателем ананьевской традиции.

Меня потряс и вызвал глубокое уважение конец жизни Бориса Герасимовича. Со двора дворца Бобринского его увезли с обширным инфарктом. Он знал, что

надежды для него нет. И предложил преданным ему сотрудникам воспользоваться ситуацией, раз ничего другого сделать было нельзя, и провести на нем замеры психофизиологических параметров в процессе умирания, поскольку это редкий случай для исследователя, а он — хорошо подготовленный испытуемый, способный дать подробный самоотчет. Говорили, что в слезах они согласились. Через три дня, 18 мая 1972 года, его не стало. Его смерть потрясла меня тогда до глубины души. Я была и на прощании с ним, и на похоронах. Я надеюсь встретиться с ним в мире ином, чтобы поговорить о связи сущности психического с бытием в теле и без него. Вживе поговорить с Б. Г. лично ни разу не удалось, но это не столь важно, потому что главное и так произошло.

Если кому-нибудь захочется о Б. Г. Ананьеве и Л. М. Веккере почтить побольше, то в списке литературы в конце этой статьи можно найти описания их жизненного пути, их научного творчества и живые воспоминания о них [1; 2].

Ну а теперь последний вопрос к участникам нашей встречи: Люда и Оля, вы поступили бы на факультет психологии ЛГУ летом 1968 года, если бы времена откалились назад и можно было бы снова выбирать свой жизненный путь?

Л. В. Б.: Конечно, да! Это был мой выбор, мой путь.

О. И. Д.: И я — да!

М. В. О.: Я тоже с вами!

Литература

1. Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы / авт. и сост. Н. А. Логинова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 376 с.
2. Осорина М. В. Научное творчество и судьба Льва Марковича Веккера (к 90-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. 2008. № 4. С. 85–100.

References

1. Boris Gerasimovich Anan'ev: *Biografija. Vospominaniia. Materialy* [Boris Gerasimov Ananiev: *Biography. Memories. Materials*]. Author and sost. N. A. Loginova. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 2006. 376 p. (In Russian)
2. Osorina M. V. Nauchnoe tvorchestvo i sud'ba L'va Markovicha Vekkera (k 90-letiiu so dnia rozhdeniiia) [Scientific work and the life of Lev Markovich Vekker (the 90th anniversary)]. *Metodologiya i istoriia psichologii* [Methodology and History of Psychology], 2008, no. 4, pp. 85–100. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2015 г.